

Выходя из комнаты Юй Чэнди, Юй Чэнсун столкнулся с матерью — та несла стакан молока из кухни.

Бросила короткий взгляд и молча скрылась в спальне.

Похоже, недавний разговор возымел действие. По крайней мере, сегодня можно спокойно поспать.

Жаль только, что он планировал не спать всю ночь.

В следующий понедельник первая ежемесячная контрольная, и учитель Ли чуть ли не за уши тряс его на восьмом уроке — велел эти два дня не бездельничать, а готовиться.

Перед каждым экзаменом твердит одно и то же, словно без напоминаний он сам не догадается.

Юй Чэнсун придвинул стул к столу, достал белый блокнот и расписал задачи на вечер. Перечитал список, убедился в его полноте и логичности, только потом взялся за сборник задач по математике.

Обложка от "53 упражнений", а внутри — настоящий калейдоскоп. Где-то вырезанные и вклеенные отдельные задачи, где-то целые вырванные страницы из других пособий. Скромный сборник превратился в настоящий артбук, забитый типовыми задачами, работой над ошибками, дополнительными заданиями — того гляди, разорвётся от содержимого.

Вытащив лист А4, он принялся решать. Почерк завораживал: каждый штрих — острый и чёткий, переходы между элементами — естественные, летящие. Любой иероглиф мог бы победить на конкурсе каллиграфии.

Но у такого размашистого стиля имелся недостаток — текст выглядел неряшливо, словно буквы разбегались в разные стороны. Даже корявый, но аккуратный почерк смотрелся бы приятнее.

Учительница китайского несколько раз просила его исправиться. Юй Чэнсун ответил так, что она больше не заикалась об этом:

— Я пишу так не ради красоты, а чтобы выпендриться.

Отхлебнув воды, он за час прогнал весь естественно-научный блок, потом вернулся к самодельному сборнику по математике.

Учитель Ли зря переживал — даже если эти два дня вообще не готовиться, результат не изменится. Он и так не отставал от программы.

Существует особая категория людей: в школе изображают разгильдяев, прогуливают уроки, а дома тайком учатся, чтобы потом всех поразить на экзамене.

Для этого нужны два условия.

Во-первых, мозги — чтобы хватало способностей на самообучение.

Во-вторых, железная воля — чтобы дома действительно заниматься, а не валять дурака.

Если есть и то, и другое — можно начинать выпендриваться.

Юй Чэнсун, практиковавший это искусство с детского сада до второго класса старшей школы, зевнул и во время перерыва включил музыку в наушниках.

"Молодость хрустит, как вафли, под зубами дней, полдня живёшь — как будто прожил миллион лет..."

Отбивая пальцами ритм, он лениво листал ленту друзей — ежевечерний ритуал от скуки.

Первые три поста — реклама косметики от каких-то бывших одноклассников из средней школы.

Не глядя удалил из друзей, открыл четвёртый пост от Чжоу Чжэюя.

"Шок! Сун-гэ больше не одинок!"

— Придунок, — хмыкнул Юй Чэнсун. — Опять гонишь за лайками.

В комментариях кипела жизнь — все выпытывали у Чжоу Чжэюя подробности, а тот бесстыдно отвечал каждому:

"А кто ещё, кроме меня?"

Заработал стройный хор "Кликбейтер, сдохни!"

Юй Чэнсун скользнул дальше и замер.

Час назад Инь Гу выложил фотографию ночного пейзажа. Снято так профессионально, что не сразу узнал старый квартал напротив школы.

Он что, снимает там комнату?

Юй Чэнсун открыл профиль Инь Гу — на аватарке сам хозяин страницы, судя по фону, фото сделано у дороги зимой. На руках грязный рыжий котяра вцепился зубами в палец, умильно-свирепая морда.

Наверняка до крови прокусил. Прививки-то хоть сделал?

Мысли потекли в сторону — сам он когда-то специально прошёл курс от бешенства, чтобы гладить бродячих кошек. Три года иммунитета — забота о здоровье превыше всего.

У Инь Гу не стояло ограничение на просмотр старых постов, можно было листать довольно долго. Контент однообразный — сплошь фотографии.

Пейзажи, люди, чаще всего — бездомные кошки и собаки. Ни одного селфи.

Скромняга какой.

Юй Чэнсун быстро закрыл профиль — страница Инь Гу казалась ещё более фальшивой, чем его школьный образ. Ничего полезного.

Он уставился на последнюю фотографию с подписью "Неожиданность" и только через пару минут поставил лайк.

Действительно неожиданность — кто бы мог подумать, что он появится в том переулке и придёт на помощь.

— Да, спасибо, учитель. — Инь Гу прижимал телефон к уху, зажав в пальцах зажжённую сигарету и терпеливо выслушивая бесконечный монолог учителя Ли.

— Какое спасибо, что за церемонии, — отмахнулся тот. — Слушай, если не уверен в контрольной в понедельник, могу заехать к тебе на выходных. Бесплатно, просто подтяну где

нужно.

— Думаю, справлюсь, — усмехнулся Инь Гу. От одной мысли о посторонних дома мурашки бежали по коже. — Я привык готовиться один. Не подведу класс, не волнуйтесь.

— Да я не об этом... Ладно. Как с Юй Чэнсуном общий язык находите? Если что-то не можешь ему сказать — говори мне, я передам. Он хороший парень, прислушается.

— Пока всё нормально. Он... неплохой человек.

— Вот и славно, вот и хорошо. — Учитель Ли с облегчением выдохнул.

— Учитель, если ничего срочного — мне нужно готовиться, — перебил Инь Гу, пока тот не начал новую тему. Универсальная отмазка для учителей и родителей всех возрастов — надо учиться.

Сработало безотказно — перекинувшись парой фраз, учитель отключился.

Инь Гу наконец затянулся догоревшей наполовину сигаретой.

Два дня в новой школе...

Выдохнул дым и удивился — дискомфорта не ощущалось. По крайней мере, в стенах школы.

Видимо, среда действительно влияет на человека — в этой провинциальной школе даже он начал смягчаться. Хотя за её пределами всё по-старому.

Докурив, он не стал валяться с телефоном, а достал из рюкзака стопку тестов, подложил планшет и устроился на кровати под желтоватым светом старой лампочки.

Как-никак первая контрольная на новом месте — нельзя ударить в грязь лицом. Иначе какой он "хороший мальчик", как выразился сосед по парте?

Юй Чэнсун просидел до двух ночи, утром проспал и вышел из ванной, когда мать с младшими уже завтракали.

В их семье никто не позволял себе валяться в постели — мать пятнадцать лет неукоснительно накрывала на стол в половине седьмого. Кроме него, никто не смел опаздывать — иначе разразится буря.

Психически больного человека не переделаешь — остаётся либо подчиниться, либо идти на конфронтацию.

Но даже Юй Чэнсуну надоело постоянно воевать, поэтому мать только укрепилась в своём величии и становилась всё невыносимее.

— Вся семья ждёт одного тебя! Восемнадцать лет, а режима никакого! Никаких правил! — прожгла она его взглядом.

Юй Чэнсун лениво опустился между братьями, положил себе остывший ужин, отпил полстакана воды и только потом ответил:

— Зачем рано вставать? Чтобы до ста лет дожить?

Поднял глаза на мать с улыбкой:

— Боишься, что после твоей смерти я всё ещё буду жив?

— Карма настигнет тебя! — выплюнула мать.

— Спасибо на добром слове. — Юй Чэнсун попробовал стручковую фасоль. Пересолено. — Но умирать в одиночку не в моих правилах. Да и пока не хочется. Придётся найти кровного родственника на замену — вдруг получится обмануть владыку загробного мира?

Лицо матери исказилось, она инстинктивно притянула к себе Юй Чэньюаня.

Шестилетний малыш не походил ни на отца, ни на мать — заласканный колобок, в чьих глазёнках уже проглядывала материнская желчность. Даже попытался скопировать её недобрый взгляд.

Юй Чэнсун не опустился до войны с мелким — сделал вид, что ничего не заметил, и продолжил уплетать пересоленную фасоль.

Сегодня мать нажарила жёлтого горбыля, но Юй Чэнсун даже не притронулся — слишком чувствительный нос. Не мог есть рыбу и креветок, если их неправильно обработали. А мать и простую еду едва не сжигала, куда уж ей возиться с рыбным духом.

Кто бы мог подумать, что лучший повар в семье — он сам? Не ресторанный уровень, конечно, но Чжоу Чжэюй, попробовав его стряпню, на коленях умолял приготовить ещё.

Жаль, мать запрещала ему готовить — боялась, что отравит всю семью ради наследства.

Юй Чэнсун всё глубже погружался в размышления, а тарелка с рыбой незаметно придвигалась к Юй Чэньюаню, пока Юй Чэнди не потянулся через стол.

Хлоп!

Юй Чэнди отдёрнул руку — на тыльной стороне вспухли две красные полосы от удара палочками.

— Никаких манер! Ешь, что перед тобой! — Мать убрала палочки и пододвинула тарелку к Юй Чэньюаню.

Тот потянулся к рыбе руками, но мать перехватила:

— Юань-юань, не спеши, мама уберёт косточки.

Юй Чэнсун молча наблюдал за ежедневным спектаклем. С такой сменой масок матери пора на сцену.

— Мама, быстрее! — Юй Чэньюань размазал жир по лицу.

Юй Чэнди, вечная груша для битья, в ярости заработал палочками, уминая один рис.

После бессонной ночи утренний цирк особенно раздражал Юй Чэнсуна. Терпение испарилось, а сверху ещё и помоями окатили.

— Юань-юань, — улыбнулся он младшему. — Братик хочет рыбки. Дашь кусочек?

— Не дам! Ты мне не брат! — Юй Чэньюань прикрыл тарелку, голосок звенел детской непосредственностью.

— Я тебе не брат? — Юй Чэнсун покивал, как маленькому. — Правильно говоришь!

Мать напряглась.

— А тебе я брат? — улыбнулся он Юй Чэнди так, что у мальчишки мурашки побежали.

— ...Да, — пробормотал тот с набитым ртом, проявляя недетскую гибкость характера.

Юй Чэнсун удовлетворённо кивнул, поднял свою чашку и вдруг без предупреждения пнул стол — миска Юй Чэньюаня слетела на пол и разлетелась вдребезги.

Не успела мать взорваться, как он схватил тарелку с рыбой и швырнул в стену.

— Ой, не удержал.

— Юй Чэнсун!

— Уа-а-а!

— Юань-юань, не плачь, мама здесь, не бойся!

— С утра нужно спокойно завтракать, — лениво протянул Юй Чэнсун, глядя на мать с ребёнком. — От злости можно и сердце себе посадить.

Мать схватила свою чашку, замахнулась.

Юй Чэнсун указал палочками и усмехнулся:

— Спорим, я выколю ему глаз?

— Ты сумасшедший! — взвизгнула мать.

Юй Чэнсун даже не удивился — привык, что она верит в подобные угрозы.

Он промолчал, и мать, подхватив Юй Чэньюаня, умчалась в спальню.

Юй Чэнсун закинул ногу на ногу и подтянул к себе куриную ножку в соусе, красовавшуюся перед Юй Чэньюанем. Под голодным взглядом Юй Чэнди сжевал одну.

Редкостная гадость.

Вытер рот салфеткой и повернулся к брату:

— Хочешь?

— Не хочу! — Юй Чэнди яростно запихивал в себя рис.

Юй Чэнсун долго смеялся над маленьким идиотом, потом пододвинул тарелку:

— Ешь, попрошайка.

Юй Чэнди чуть не укусил его, но, просверлив брата злобным взглядом, всё же схватил куриную ножку и вгрызся в мясо.

Вкуснотища.

<http://bllate.org/book/13360/1187989>